

ным распространение этого опыта на другие районы СССР, в частности, организовать в конце 1951 и в 1952 г. совещания по этнографии народов Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

д) Обратить внимание Академии Наук СССР и академий наук союзных республик на необходимость оснащения этнографических экспедиций современным техническим оборудованием (звукозаписывающая аппаратура, киносъемочные аппараты и т. д.). Рекомендовать при изучении поселений и жилища применять аэрофото съемку и стереофотограмметрию.

16. Товарищ Сталин учит: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики». Это обязывает советских этнографов сделать творческие дискуссии важнейшим методом работы и борьбы за дальнейший расцвет советской этнографической науки.

Совещание одобряет решение Института этнографии АН СССР о проведении творческих дискуссий по вопросам методологии этногенетических исследований и периодизации истории первобытного общества и рекомендует организацию дискуссий по другим узловым проблемам этнографической науки. Совещание одобряет решение редакции журнала «Советская этнография» об организации дискуссионного отдела и призывает этнографов принять активное участие в обсуждении дискуссионных вопросов.

17. Просить Президиум АН СССР издать в 1951 г. Труды совещания. Просить Институт этнографии АН СССР опубликовать настоящую резолюцию в журнале «Советская этнография» и других ведущих исторических журналах, а также издать ее отдельно для широкой рассылки на места.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

В 1950 г. в Институте этнографии защищено девять кандидатских диссертаций¹.

6 июня защищена диссертация окончившей аспирантуру Института М. Н. Шмелевой на тему «Народная одежда закарпатских украинцев». Используя обширный полевой материал, собранный ею во время поездок в Закарпатье, диссертантка показала тесную близость одежды закарпатских украинцев с общеукраинской, рассмотрела влияния, оказанные на одежду украинцев Закарпатья различными соседними народами. Большое внимание уделила М. Н. Шмелева рассмотрению различий в одежде закарпатских украинцев разных районов, в результате чего она устанавливает пять локальных комплексов и, далее, прослеживает процесс формирования единого комплекса одежды украинцев Закарпатья. Как указали официальные оппоненты, доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат исторических наук Л. И. Якунина, диссертантка успешно справилась с поставленными задачами, дав оригинальное исследование, основанное, главным образом, на разработке собранных ею полевых материалов с привлечением данных, имеющихся в этнографической литературе; последнюю, впрочем, диссертантка оценивает, как неудовлетворительную в методологическом отношении и не дающую достаточного представления об одежде закарпатских украинцев во всем ее многообразии и самобытности. М. Н. Шмелева, сказал Н. Н. Чебоксаров, в своем исследовании исходит из основных методологических принципов советской исторической науки; учитывая задачи последней, она не ограничивается простым описанием народного костюма, но подходит к его изучению исторически, стремясь наметить главные этапы его развития, связывая формирование его локальных комплексов с конкретной историей хозяйства и культуры украинцев и соседних с ними народов, с которыми они находились в постоянном культурном взаимодействии. Диссертантка правильно сделала, уделив большое внимание исследованию тесных культурных связей украинцев Закарпатья с основной массой украинского народа и с русскими, подчеркнув, что, несмотря на многовековую оторванность закарпатских украинцев, они всегда сохраняли сознание своей принадлежности к восточным славянам, своей тесной исторической связи с русским народом.

Как на существенный недочет в работе, оппоненты указали на то, что диссертантка недостаточно места уделила анализу классовой структуры и классовых взаимоотношений в среде украинцев Закарпатья, что помешало ей в объяснении многих особенностей народного костюма, в котором ярко отражается социальное расслоение любого народа. Упущением диссертантки Н. Н. Чебоксаров считает также то, что она в историческом введении не уделила места рассмотрению тех локальных групп закарпатских украинцев, которые упоминаются ею в дальнейшем, ее внимание почти целиком сосредоточено на одежде, ее комплексах, а носители этих комплексов остаются в стороне. Реальность выделенных диссертанткой локальных комплексов одежды и вариантов отдельных ее частей, сказал Н. Н. Чебоксаров, не вызывает сомнений, тем более, что выявленные локальные различия прослеживаются не только в одежде, но и в других этнографических признаках, и в данных языка, привлечение которых к решению поставленных вопросов оппонент считает совер-

¹ Отчет о первых четырех защитах см. в № 1 нашего журнала за 1951 г.

шенно правомерным. Но М. Н. Шмелева, по мнению оппонента, дала слишком подробный анализ вариантов отдельных составных частей одежды, что помешало ей довести до конца анализ ее типов.

Несмотря на наличие спорных мест и отдельных недочетов, ценность представленной работы не вызвала у оппонентов никаких сомнений, а конечный вывод диссертации о том, что «закарпатско-украинская одежда представляет собой часть одежды общеукраинской» убедительно доказывается всем ходом исследования и обширным, собранным автором, фактическим материалом. М. Н. Шмелевой присуждена степень кандидата исторических наук.

6 июня окончившая аспирантуру Института этнографии И. А. Калоева защитила диссертацию на тему «Пережитки родового строя у южных славян в XIX—XX вв.». Официальные оппоненты — доктор исторических наук С. А. Токарев и доктор исторических наук В. К. Никольский — подчеркнули актуальность выбранной темы и политически заостренную ее разработку. Опираясь на руководящие высказывания классиков марксизма-ленинизма о родовом строе и его разложении, И. А. Калоева разрабатывает свою тему на основе широкого общесоциологического анализа развития и разложения родовых отношений в условиях сменявшихся общественных формаций — от раннеклассовой эпохи до современного периода загнивающего капитализма. Вместе с тем автор связывает данную проблему с современным положением на Балканах и показывает, как, с одной стороны, болгарский народ приступил к коренному социалистическому преобразованию всего общественного строя, ликвидируя все архаические пережитки, а с другой стороны, как эти пережитки искусственно культивируются в Югославии фашистской кликой Тито, которая использует их в целях прямого обмана народных масс, выдавая их за своеобразные формы «югославского социализма».

Работа написана на солидной источниковедческой базе; автором почти полностью использована обширная литература по вопросам общественного строя южных славян. В историографическом очерке автор подвергает заслуженной критике взгляды буржуазных исследователей, хотя, как отметил проф. С. А. Токарев, критика эта не везде достаточно остра и не всегда выявлена классовая и националистическая подоплека высказываний буржуазных авторов. В предисловии основной части исследования кратком очерке развития южнославянских народов диссертантка выясняет исторические условия, благоприятствовавшие сохранению у этих народов вплоть до нашего времени пережитков архаических общественных форм, и показывает, какую роль играли они на разных этапах исторического развития. И. А. Калоевой собран, систематизирован и подвергнут серьезному историческому анализу большой фактический материал по пережиткам родоплеменных отношений и архаических форм семьи у южных славян, в частности — по южнославянской задруге. Показав исторические условия, поддерживавшие быт задруги до второй половины XIX в., автор охарактеризовал историческую обстановку, которая сложилась в новейшее время в Болгарии, с одной стороны, в Югославии, — с другой, и которая привела к быстрому изживанию задружных форм семьи в первой и способствовала своеобразной и уродливой консервации их во второй. Диссертантка, отметил проф. В. К. Никольский, сумела по-новому подойти к вопросу о задруге, показав имеющиеся в ней элементы эксплуатации и разоблачив реакционную сущность ее идеализации.

Наряду с положительными сторонами диссертации оппоненты отметили ряд имеющихся в ней недочетов, в значительной части, однако, объясняемых обширностью темы и недостаточной разработанностью в советской литературе некоторых вопросов истории ранних общественных форм. Не вполне четко дана автором характеристика различных ступеней родоплеменной общности у южнославянских народов, нет четкого разграничения рода и племени, непонятным осталось определение патронимии и места, которое она занимает в структуре рода. Недочетом работы С. А. Токарев считает также недостаточное внимание диссертантки к конкретному этническому своеобразию исследуемых ею явлений. Так, например, обычай празднования «Славы», характерный для сербов, автор пытается отнести ко всем южнославянским народам, ставя вопрос лишь о территориальном распространении этого обычая. В главе, посвященной жилищу семейной общины южных славян, история развития жилища не вполне согласуется с историей самой семейной общины; к тому же процессы их развития гораздо более длительны и сложны, чем это получается у диссертантки.

Несмотря на имеющиеся недочеты и пробелы, подчеркнули оппоненты, диссертация И. А. Калоевой представляет собой весьма ценную и политически актуальную работу, дающую полное основание присудить ей искомую степень. Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

11 июля состоялась защита диссертации окончившей аспирантуру Института этнографии И. Н. Гроздовой на тему «Национальный состав населения Нидерландов в свете этнографических данных». Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук П. И. Кушнер и кандидат историч. наук Б. И. Шаревская. В своем выступлении П. И. Кушнер заострил внимание на вопросах методологии, осветив те трудности, которые стояли перед диссертанткой в разработке поднятой ею темы. Основной из этих трудностей было отсутствие надлежащих источников, а

первую очередь статистических данных, ибо этнической статистики в Нидерландах не ведется. В таких случаях, указал П. И. Кушнер, определить национальный состав населения обычными методами, использующими данные о языке, национальном самосознании или религии, нельзя. Диссертантке пришлось применить единственно возможный, но чрезвычайно трудный прием исследования, взяв за основу этнографические данные и использовав в качестве вспомогательного лингвистический материал. Но и здесь работа диссертантки была очень затруднена невозможностью собрать полевой материал на месте, и она вынуждена была ограничиться литературными источниками. Тем не менее, подчеркнул оппонент, И. Н. Гроздовой удалось успешно разрешить поставленные перед собой задачи и дать работу, имеющую серьезное методологическое значение, выходящее за пределы намеченной темы. Проанализировав лингвистические источники, использовав данные археологии и письменных исторических памятников, диссертантка сумела ярко и отчетливо показать, как формировались отдельные народности, вошедшие в состав Нидерландов, и определить этнические территории этих народностей в прошлом. Однако дальнейшие лингвистические исследования не могли дать надлежащих результатов, ибо при переходе к современному состоянию этих народностей в процессе их исторического развития происходит вытеснение некоторых языков, которые теряют свои отличительные черты, границы их распространения стираются. Поэтому И. Н. Гроздова основной упор своего исследования перенесла на анализ материальной культуры. Глава, посвященная этому анализу и занимающая центральное место в работе, по мнению П. И. Кушнера, может считаться образцом сжатой этнографической характеристики явлений материальной культуры. Автор исследует этническую специфику в сельском хозяйстве, жилище и поселении, одежде, отчасти в пище народностей Нидерландов, сопоставляя эти материалы с данными лингвистики, и приходит к заключению, что ни формы поселений, ни формы сельского хозяйства не дают достаточной базы для выводов о национальном составе населения, — такую базу можно найти в народном жилище, одежде и народных диалектах. Эти показатели позволяют в основном наметить этнические территории фламандцев, голландцев, фризов и некоторых локальных групп в прошлом. Что касается современного населения, то эти показатели имеют все же относительное значение ввиду продолжающегося процесса национальной консолидации и отсутствия данных о национальном самосознании. На основании своего исследования И. Н. Гроздова приходит к выводу, что в этническом составе населения Нидерландов можно выделить две национальные группы нидерландской нации — голландцев и фламандцев и одну народность — фризов. Такое заключение П. И. Кушнер считает ошибочным, ибо голландцы не «национальная группа», а господствующая нация, фламандцы же в условиях Нидерландов, повидимому, народность, постепенно теряющая свои этнические признаки и сливающаяся с голландцами.

П. И. Кушнер считает, что процесс формирования голландской нации начался еще в период первоначального накопления капитала, тогда как диссертантка относит его к гораздо более позднему времени. И. Н. Гроздова смешивает два процесса — формирования нации и ее консолидации, что приводит ее к серьезной методологической погрешности, в результате которой она подменяет голландскую нацию нидерландской, в действительности не существующей. Ошибка эта, сказал оппонент, не является доводом против основных положений автора. Заслугой И. Н. Гроздовой надо считать то, что она хорошо вскрыла этническую специфику отдельных народностей Нидерландов в прошлом, показала, как можно определить этническую территорию по данным лингвистики и этнографии, и установила характер и ход процессов этнической трансформации населения.

Б. И. Шаревская, солидаризовавшаяся с оценкой диссертации, данной П. И. Кушнером, не согласилась с ним в вопросе о времени формирования голландской нации, указав на неразвитые средства сообщения в Голландии XVII—XVIII вв., препятствовавшие установлению экономической общности населения; диссертантка, сказала Б. И. Шаревская, не уделила достаточно внимания этому факту, тогда как она могла его использовать для подтверждения своих конечных выводов. К концу XIX в. не только голландцы консолидируются в буржуазную нацию, но идет процесс консолидации единой нации, которую автор диссертации условно называет нидерландской. Б. И. Шаревская подчеркнула значимость обсуждаемой диссертации по ее теме и методологии исследования, выработанной старшими представителями советской этнографической школы и базирующейся на учении Ленина — Сталина о нации. Работы, подобные данной диссертации, сказала Б. И. Шаревская, разоблачают на конкретном материале космополитические извращения империалистов США и их оруженосцев, — и в этом их ценность и важность. И. Н. Гроздовой присуждена степень кандидата исторических наук.

11 июля диссертацию на тему «Опыт монографического исследования социалистической культуры абхазской колхозной деревни» (по материалам Гудаутского района) защитила окончившая аспирантуру Института этнографии Л. А. Витухновская. Официальные оппоненты — доктор филологических наук Н. Ф. Яковлев и кандидаты исторических наук Е. Р. Бинкевич и З. А. Никольская — отметили достоинства обсуждаемой работы и тот большой интерес, который она вызывает: диссертантка поставила себе задачей показать, как за годы советской власти

ный и социально-политический облик новой социалистической абхазской нации, торжество ленинско-сталинской национальной политики. Исходя из основополагающих высказываний товарища Сталина, используя собранный во время поездок в Абхазию в 1946—1948 гг. обильный полевой материал, привлекая обширные документальные данные и газетные сведения, диссертантка сумела ярко и красочно обрисовать облик новой абхазской деревни. Оппоненты отметили как серьезный недостаток в работе недостаточное внимание, уделенное диссертанткой дореволюционному положению абхазов, старым формам их национальной культуры. Перед читателем диссертации, сказал Н. Ф. Яковлев, встает теоретически важный вопрос: как уживается старая, сложившаяся веками национальная по форме культура абхазов с ее новым социалистическим содержанием и насколько она может быть использована в современности. Теоретически обоснованное решение этого вопроса входит в обязанности автора диссертации. Между тем диссертанткой совсем обойден вопрос о возрождении у абхазов в советских условиях национального изобразительного декоративного искусства, о возрождении и развитии абхазской музыки, фольклора и т. д. Изменения, происшедшие в абхазской деревне за годы советской власти, сказала З. А. Никольская, выглядели бы еще ярче, если бы диссертантка противопоставила им описание дореволюционного нищенского хозяйства, отсталой техники, низкого уровня культуры абхазского крестьянина. Вопрос о создании абхазской социалистической нации разрешается диссертанткой, по существу, лишь декларативно, ибо, отбросив все старое, она не смогла выявить причин того, почему абхазы до революции не составляли нации; не показано, что этому препятствовало полуколониальное положение страны, бездорожье, отсутствие экономических связей и т. д. Отсюда вытекает и другой недостаток диссертации: социалистическая культура абхазов дана статически, диссертантка обрисовала колхозную деревню как бы застывшую в своем движении. Приведенный в самом конце диссертации далеко не полный перечень пережитков прошлого, сохраняющихся еще среди отсталой части абхазского крестьянства, вырван из основного изложения, не показано, как же ведется борьба с этими пережитками; это значительно умаляет ценность диссертации, ибо борьба с пережитками прошлого является одной из важнейших задач советского культурного строительства. Диссертантка не заостряет внимания и на чертах нового, зреющего в абхазском колхозном крестьянстве, вместе со всем советским народом успешно продвигающемся по пути к коммунизму. Остановившись на ряде частных замечаний, З. А. Никольская указала, что диссертантка ошибается, когда говорит о ликвидации хуторского типа поселений в Абхазии; ликвидирована хозяйственная изолированность хуторов, хуторской же тип расселения сохраняется и поныне в силу особенности рельефа местности и составляет национальную форму поселения абхазов, в частности, Гудаутского района. Не может согласиться оппонент с Л. А. Витухновской и в том, что прекращение практики строительства на территории усадьбы отдельных домов для женатых сыновей, так наз. амхара, объясняется возросшей зажиточностью колхозников, получивших возможность строить отдельные дома. Правильнее было бы объяснить исчезновение амхара изменениями форм семьи, отделением взрослых сыновей от отца, что сделало ненужными амхара на отцовских усадьбах. Е. Р. Бинкевич поставила в упрек автору недостаточность научного аппарата и отсутствие в диссертации историографической главы, построенной на критическом анализе использованных источников; последнее обстоятельство помешало в полной мере выявить тот немаловажный вклад, который внесла сама диссертантка в изучение абхазов, сумев по новому подойти к освещению достижений абхазского колхозного крестьянства. Л. А. Витухновской присуждена степень кандидата исторических наук.

28 ноября защищена диссертация окончившей аспирантуру Института этнографии Р. С. Левман. Тема диссертации — «Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (К проблеме этногенеза молдаван)». Официальные оппоненты — доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и доктор биол. наук Я. Я. Рогинский. Оппоненты подчеркнули правильность подхода диссертантки к антропологическому материалу, как историческому источнику для решения вопроса о происхождении молдавского народа. Исследование проводилось диссертанткой по обширной программе, принятой московскими и ленинградскими антропологами, и охватило все районы Молдавской ССР. Очень важно, что измерения и описания были проделаны одним лицом в течение двух смежных лет. Собранный Р. С. Левман материал, по мнению оппонентов, имеет поэтому большую ценность и может рассматриваться как серьезный вклад в антропологическую науку, тем более, что антропологическое изучение молдаван в таких масштабах (обследовано свыше 1000 человек) проведено впервые. При разработке материала, сказал Я. Я. Рогинский, автор последовательно проводит принцип анализа географического размещения отдельных признаков, продолжая в этом отношении одну из традиций русской антропологии, начало которой (традиции) было положено еще Д. Н. Анучиным. Путем «наложения» карт, выделяя сочетания антропологических признаков, диссертантка приходит к ряду выводов, касающихся генезиса антропологических типов, обнаруженных ею в составе населения Молдавской республики. Р. С. Левман показывает антропологическую неоднородность коренного населения республики и наличие в его составе четырех типов (обозначаемых ею как восточнокарпатский, верхне-днестровский, южнопонтский и западнокарпатский), устанавливая сходство пер-

вых двух с антропологическими вариантами Восточной и Центральной Европы, а двух последних — с антропологическими типами Балканского полуострова. Источник этих сходств автор видит в исторических судьбах населения Молдавии: начиная уже с неолита, на территории Молдавской ССР и Румынии существовал определенный культурный ареал, связанный с синхронными культурами Восточной Европы, тогда как культура населения Валахии с древнейших времен была тесно связана с культурами Балканского полуострова. Западнокарпатский тип, который еще можно наблюдать в виде одного из компонентов населения в районе Кодр, автор считает принесенным восточными романцами, перешедшими Прут; на антропологические типы других районов они не оказали влияния, растворившись в общей массе славянского населения. Таким образом антропологический материал, собранный и проанализированный Р. С. Левман, как и использованные ею археологические, исторические и лингвистические данные, непреложно свидетельствуют о том, что история молдавского народа теснейшим образом связана с историей восточнославянских народов.

Дав высокую оценку диссертации в целом, оппоненты указали на ряд имеющихся в ней спорных мест. Не всегда, по мнению Н. Н. Чебоксарова, диссертанткой достаточно обосновано выделение антропологических типов, вошедших в состав населения Молдавии. Оппонент вполне согласен с Р. С. Левман, считающей восточнокарпатский тип основным и показывающей его связь с антропологическим типом восточнославянских народов. Что касается верхнеднестровского типа, который диссертантка вместе с рядом вариантов, встречаемых в разных местах Восточной Европы, включает в состав единой северопонтийской группы, то это построение представляется оппоненту довольно искусственным. Правильнее было бы, по его мнению, связать верхнеднестровский тип по его происхождению с восточнокарпатским, рассматривая их как локальные варианты одной и той же формы. Еще большие сомнения у Н. Н. Чебоксарова вызывает утверждение диссертантки о преобладании в южной Молдавии южнопонтийского типа. Оппонент считает, что Р. С. Левман слишком усложняет антропологический состав молдавского народа выделением четырех типов, и предлагает свести их к двум основным: это — более северный вариант, связанный с восточными славянами и выступающий в двух локальных формах (более долихокефальной и более брахицефальной), и южный вариант, включающий более темные и брахицефальные формы, которые диссертантка правильно пытается связать с восточными романцами. Что касается утверждения Р. С. Левман о том, что крупных переселений на территории Молдавии не было, то Н. Н. Чебоксарову это представляется спорным: он считает возможным говорить только о некоторой преемственности, идущей от древнего аборигенного населения этой страны к ее позднему населению. Оппоненты подчеркнули, что диссертация Р. С. Левман представляет собой серьезный труд, обогащающий важную область антропологической работы — область применения антропологического анализа для решения проблем этногенеза. Научный сотрудник Института этнографии М. Я. Салманович, выступив в прениях, подчеркнула важность для этнографов вывода Р. С. Левман о том большом значении, которое имели восточные славяне в формировании молдавского народа. Это было ясно из данных материальной культуры и теперь находит новое яркое подтверждение в представленных диссертанткой антропологических материалах. Р. С. Левман присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корбе